СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ПРОТИВОРЕЧИЯ

FOLIO

Сергей Владимирович Иванов
Противо Речия (сборник)

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22027897
Сергей Иванов Противо Речия: Фолио; Харьков; 2016
ISBN 978-966-03-7535-2

Аннотация

Сергей Иванов – украинский журналист и блогер. Родился в 1976 году в городе Зимогорье Луганской области. Закончил юридический факультет. С 1998-го по 2008 г. работал в прокуратуре. Как пишет сам Сергей, больше всего в жизни он ненавидит государство и идиотов, хотя зарабатывает на жизнь, ежедневно взаимодействуя и с тем, и с другим. Широкую известность получил в период Майдана и во время так называемой «русской весны», в присущем ему стиле описывая в своем блоге события, приведшие к оккупации Донбасса. Летом 2014-го переехал в Киев, где проживает до сих пор. Тексты, которые вошли в этот сборник, были написаны в период с 2011-го по 2014 г. В сюжетной связи с указанными выше событиями они не состоят – исключительно в причинно-следственной. «Не бывает случайных поступков, а тем более – случайных поступков без последствий», – утверждает автор. Жизнь в текстах Иванова передана максимально натуралистично, героев вряд ли можно назвать добропорядочными и благополучными

людьми, их диалоги изобилуют обсценной лексикой и сленгом. Однако за общей атмосферой обреченности, упадка и цинизма, которой пропитаны тексты, ощущается предельная искренность автора. Искренность на грани исповедальности. *Книга содержит нецензурную лексику.*

Содержание

Вероника 6
Деструкция 14
Реверс 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Сергей Иванов
Противо Речия

© С. В. Иванов, 2016
© Л. П. Вировец, художественное оформление, 2016

* * *

Вероника

Темнота иссякает катастрофически быстро. Сначала все вокруг наполняется сдержанным гулом неумолимо надвигающегося рассвета. Наполненная водянисто-молочным маревом, редеет и сворачивается ночь. Столбик термометра, словно очнувшись после очередной летаргии, бездумно тянется вверх. Неслышный, но четко ощутимый гул нарастает, и спустя мгновение наступает кульминация. Солнечный диск, еще более безжалостный и раскаленный, чем накануне, стремглав возносится в зенит, и город тотчас покрывается огромными рваными стигматами, сквозь которые сочится киселистое, бесноватое лето.

Медленно, как в рапидной съемке, улицы заполняются невыспавшимися, отрешенными людьми. Ты без труда вклиниваешься в пыльный человеческий поток, увязаешь в нем, целиком подчиняешься его воле. Дальше – механика: приветствия, улыбки, рукопожатия. Большего от тебя и не требуется.

И вот, пока твой персональный голем прочно держит связь с другими пустотелыми исчадьями гражданственности, ты вдумчиво и неспешно перебираешь ворох обрывочных воспоминаний, неразрешенных вопросов и непреодоленных противоречий.

* * *

Вероника – моя одноклассница, и она выглядит старше своей матери.

Если учесть, что ее мать приблизительно одного возраста с моими родителями, то в свои тридцать шесть Вероника давно перешагнула стереотипические шестьдесят. Я не знаю точно, что именно помогло ей так ускорить свою жизнь: водка, «винт» или регулярный стресс, однако, судя по ее основательно развороченному фасаду, без первых двух факторов дело точно не обошлось.

Мать Вероники живет в соседнем дворе, и я часто вижу ее. Она мало изменилась с тех пор, когда приводила свою неизменно опрятную, наглаженную и музыкально одаренную дочь-отличницу в школу, – все такая же осанистая, крупная женщина нордического типа. Она словно застыла во времени, и однажды я подумал, что некая компенсаторная взаимосвязь между родителями и детьми мало того что существует, но и работает в обоих направлениях. Поэтому если кто-то из них решает умереть – от блажи или по веской причине, кто-то обязательно должен жить вопреки времени, логике и необратимым процессам в организме.

Где живет Вероника, я не знаю. В любом случае, непохоже, чтобы она по-прежнему жила с матерью. Я делаю ставку на теплотрассу – это достаточно популярное место среди

людей ее стиля, классика.

Долгое время, завидев ее перекошенный, словно раскачиваемый невидимым внутренним маятником силуэт, надсадно тянувшийся от одного мусорного бака к другому, я нарочно пытался выбрать направление движения, не пересекающееся с ее траекторией, тем более, что Вероника редко выходила на промысел в одиночестве, а перспектива публичного обмена приветствиями с коллективом похмельных бичей откровенно угнетала меня, и даже не спрашивайте почему.

Но однажды нам все-таки пришлось пообщаться. Я битый час вежливо и безучастно выслушивал от местной ЖКХ-активистки очередную порцию бреда, не без удовольствия рисуя в воображении картины ее механического удушения, с последующим расчленением трупа и ритуальным развеиванием праха над канализационным колодцем. И когда, перехватив инициативу в секундной передышке между тирадами и сжато попрощавшись, я уже почти скрылся за массивной металлической дверью подъезда, меня позвали. Я обернулся и увидел Веронику. В сумерках она казалась утопленницей – те же глаза с неестественным выкатом, набрякшие, словно разорванные губы – одутловатая, синюшная, испитая.

– Привет, Сереж.

– Привет, Вика.

– А ты здесь живешь?

– Давно.

– Понятно.

Я не уходил, и она, видимо, не ожидая этого, на мгновение зависла. Я ждал. Наконец она, будто стряхнув с себя оцепенение, тихо спросила:

– У тебя случайно нет сигарет?

– Случайно есть, – я вынул пачку и протянул ей. – Бери всю.

– Спасибо.

– Да не за что.

Она выцарапала из пачки сигарету и начала шарить по бессчетным складкам своей куртки-хламиды. Я вынул зажигалку, дал прикурить. Она несколько раз нервно, глубоко затянулась, затем на выдохе атонально бросила:

– Как дела?

– По-разному.

– Дети есть?

– Сын.

– Сын – это хорошо.

– Это лучше, чем хорошо.

– Ну да.

– Ты как?

– Ты же видишь.

– Вижу. Деньги нужны?

– Ну… – она замялась, – займи. Сейчас период такой, сам по…

– Понимаю, – оборвал я ее, – и если честно, мне, в общем-то, похуй, какой у тебя сейчас период, – как и послед-

ние двадцать лет, что мы не виделись. Я все понимаю. На вот, возьми полтинник – больше не могу.

Мы замолчали. Каждый сверлил взглядом свою собственную пустоту, чтобы не поднимать глаз. У меня не было ни единой причины продолжать разговор, у нее – и того меньше. Активистка, застыв с открытым ртом, стояла в паре метров от нас, наблюдая сцену столь длительного общения вечно занятого и, в принципе, благополучного жильца с местной синявкой.

– Спасибо, Сереж.

– Да брось. На «системе»?

– Нет. Давно.

– Значит, синька?

– Бывает. Да.

– У всех бывает.

– А ты? Работаешь?

– Приходится.

– Кем?

– Долго объяснять. Если по сути, то проституткой.

– Это как?

– Ты не знаешь, как работают проститутки? Приезжаю, делаю дело, забираю деньги, отваливаю.

– Все шутишь.

– Хотелось бы.

– Платят хорошо?

– Не очень. Но я и не целуюсь.

– Понятно.

– Чего уж тут непонятного. Я твою маму часто вижу здесь, – до сих пор не знаю, зачем сказал это.

Она медленно подняла голову и впервые за всю беседу посмотрела мне в глаза.

– Я тоже.

– Вы общаетесь?

– Нет. Давно. Просто вижу. Часто.

– А она?

– Не знаю.

– Понятно. Ну а ты не пыталась…

– Пыталась. А как?..

– Вопрос.

– Вопрос.

– Ну тогда держись. Некоторые вещи имеют свойство разрешаться сами собой, – соврал я и взялся за дверную ручку-скобу, потому что этот внезапно ставший чересчур личным разговор совершенно меня вымотал.

– Держусь пока.

– Я вижу. Все будет хорошо.

Так, порцией нейтральной, но от этого не ставшей менее лицемерной лжи и завершилась наша беседа. Спустя несколько месяцев я снова увидел Веронику. Все еще помятая и отекшая, но на удивление трезвая и даже немного посветлевшая лицом, она шествовала куда-то с таким же куртуазным и вопиюще трезвым кавалером. Я как раз садился в

автомобиль. Она улыбнулась и махнула мне рукой, я кивнул, а кавалер, не понимая, что происходит, ошалелыми глазами засвидетельствовал рвущий все его шаблоны обмен любезностями.

Вот бы на подобной светлой ноте и закончить эту историю. Однако, хэппи-энд в наше время – товар штучный, а сама жизнь все больше напоминает мне неосвещенное ночное шоссе. Всегда найдется тот, кто моргнет тебе «дальним», предупреждая об опасности, а ты непременно подумаешь, что этот урод слепит тебя нарочно. Ясность, конечно, наступит, только уже навряд ли от нее будет какой-то прок.

В общем, еще через несколько месяцев я снова увидел ее. Все в том же дворе. Облепив скамейку, гортанно, неразборчиво переговариваясь, бичи с аппетитом поглощали добытую из стоящего неподалеку мусорника еду.

Вероника, стиснутая со всех сторон рычащей, рвущей объедки сворой, сидела в самом центре, низко свесив взлохмаченную старушечью голову. Даже не удивившись, я прошел мимо и здесь же едва не столкнулся с ее матерью. Все такая же осанистая, крупная и противоестественно не стареющая, она гордо и надменно, не дрогнув ни единым мускулом, прошествовала мимо скамейки, на которой, зажатая внутри чумазого зловонного конгломерата, подыхала ее единственная дочь.

Потому что, как бы кощунственно это ни звучало, если кто-то решает умереть, кто-то должен жить. Вопреки време-

ни, логике и боли. Вопреки самой жизни.

Деструкция

– …и в этот замечательный день, сынок, мы желаем тебе здоровья, потому что это – самое главное, ведь, как говорится, будет здоровье – к нему все приложится. Мы хотим…

Стоп-кадр.

Ты видишь гостиную стандартной трехкомнатной квартиры в многоэтажном кирпичном доме. Западногерманский серийный гарнитур-«стенка», пара велюровых кресел, точно такой же диван, персиковые виниловые обои «под покраску». Посреди гостиной стоит лакированный деревянный стол строгой прямоугольной формы. Вообще-то обычное место этого стола – в углу твоей комнаты, у окна, чтобы свет падал справа, когда ты занимаешься. Однако по особенным случаям он выносится в гостиную, раздвигается и накрывается белой клеенчатой скатертью. Сегодня именно такой случай – твой день рождения.

Тебе – восемнадцать. Ну, плюс-минус… Самое время начать говорить с тобой как со взрослым. Не как с равным, а как со взрослым. Право быть равным нужно еще заслужить, правда, я до сих пор так и не понял, что конкретно для этого нужно сделать.

В основном, «взрослый» разговор ничем не отличается от обычного. Немного выше градус пафоса и какая-то осо-

бая проникновенная грусть в интонациях. Навряд ли она напрямую связана как с поводом, так и с тобой лично. Просто люди, подводя даже самые незначительные итоги, имеют свойство несколько увязать во времени. Каждому слову предшествует флешбэк, который необходимо переварить заново, и любой спич, таким образом, превращается в лаконичную ретроспективу пережитого лично с неизбежной констатацией возмутительной скоротечности времени в финале. Порой мне кажется, что каждое предложение, каждое слово, когда-либо сказанное человеком, – это фрагмент бесконечного послания самому себе, даже если при этом оно адресуется совершенно другим людям, даже если не адресуется никому.

Ты сидишь в торце стола, загроможденного тарелками, блюдами, салатницами и прочей утварью, полной домашней еды, ловишь фразы, с трудом прорывающиеся сквозь какофонию из рюмочных камертонов, лязга столовой стали и глухого шума беспрерывно перемещаемой по периметру стола посуды. Определенно, в застольях есть что-то варварское, первобытное, сохранившееся с тех пор, когда люди охотились стаями и каждый раз, убив мамонта, всем племенем рвали его на части. Иллюзия цивилизации привнесла в этот процесс иллюзию цивилизованности, однако суть осталась прежней – банальное рефлекторное употребление приматами жиров, белков и углеводов в неограниченных количествах, пусть и под благовидным предлогом.

Тем временем, по мере развития торжества ты начинаешь улавливать в какофонии ритм и даже мелодию, а само действо постепенно теряет хаотичность и приобретает почти симфоническую форму.

– *…чтоб ты был удачлив во всех своих начинаниях…*

Снова стоп.

Почему «мы»? Почему всегда «мы»? Откуда эта уверенность, что все остальные думают так же? Не знаю почему, но меня всегда бесила эта церемониальная унификация пожеланий. Хуже этого – только чтение вслух глупых поздравительных стихотворений из числа тех, что обычно печатают броскими шрифтами на разворотах глянцевых открыток:

«Без лишних слов, без лишних фраз,
С глубоким чувством уважения
Позволь поздравить с Днем Рождения!
В день светлый твоего рожденья!»

Боже, какая чушь. Кстати, если я все-таки не выдержу и расплачусь от рифмы «рождения – рожденья» (а я действительно могу), то существует почти стопроцентная вероятность, что окружающими это будет расценено как «слезы счастья».

Вообще, это довольно распространенное заблуждение. Никаких слез счастья не существует да и быть не может. Счастливый человек не станет плакать ни при каких обстоятельствах, как не станет танцевать, хлопать в ладоши или

хохотать. Счастливые люди больше похожи на блаженных: их взгляды бездонно пусты, лица словно подсвечены изнутри, а в уголках губ пульсирует отрешенный намек на улыбку. Нечто подобное я наблюдал, когда первый раз своими глазами увидел человека, вводящего себе в вену морфин: те же стремительно ниспадающие шоры пустоты, то же фосфорное свечение, та же пульсация в уголках губ. Тогда я и сделал один из главных выводов в своей жизни: вне зависимости от способа его достижения, счастье – это бегство, сиюминутная бесплотная эмиграция в иную реальность, потому что эта – не лучшее место для счастливых.

– *…быть востребованным и успешным…*

Ну вот. Успешность. Краеугольный камень современного общества, пик чаяний, надежд и устремлений почти каждого его соучастника, высококачественный суррогат персонального счастья. Высококачественный, но, разумеется, не идеальный. Что-то вроде фаллоимитатора анатомически безупречной формы или мегаэластичной сайберскиновой вагины. Разработан специально для достижения чувства самореализации у людей с четко определенной прикладной целью и поэтапно спланированным механизмом ее достижения. Проще говоря, для уебков.

Да-да, именно так, ведь на текущем этапе данности успешный человек – это прежде всего перфектный, выкристаллизованный уебок, уебок высшей пробы. Особь с намертво пришитой улыбкой, безукоризненным пробором в мо-

нументально уложенной прическе, о которую при желании можно вскрыть вены, и непобедимым флером конструктива, скрыться от которого решительно невозможно. Смертельно уставший задолго до начала старости, ежедневно миксующий антидепресанты с тяжелым алкоголем, системный, плановый – регламентированный – человек.

Такие люди обычно помнят все мало-мальски торжественные даты, у них всегда имеется в наличии несколько анекдотов и присказок для наиболее типовых жизненных ситуаций, даже сексу или мастурбации в их персональном графике отведено строго определенное количество времени по нечетным дням, потому что по четным вместо этого у них фитнес.

Из каждого отпуска они привозят коллекционные вина боссу, конфеты – его секретарю и сувенирные магнитики – коллегам. И все это продолжается до тех пор, пока в один из стандартно успешных дней, без видимых, казалось бы, причин, вместо дежурных сувениров они приносят в офис обрез и все с той же нестираемой печатью конструктива на лице вышибают мозги всем вышеперечисленным прекрасным людям, не забыв в финале этого эффектного корпоративного перформанса еще раз проделать ту же самую процедуру, но уже с собой. В любой системе имеется риск сбоя – с этим ничего не поделаешь.

Разумеется, в стройном ряду успешных бывают и исключения, но ими, в большей степени, мы обязаны различного

рода диссоциативным расстройствам личностной идентичности, нежели пресловутым человеческим качествам.

К слову, я давно взял за правило не обращать внимания на человеческие качества. Для меня куда важнее качество человека. Вы ведь не купите куртку только ради красивых пуговиц? То-то же.

– *…словом, дай тебе Бог всего самого лучшего!*

Бог.

С течением жизни к Богу накапливается так много вопросов, что поневоле начинаешь в него верить.

Согласитесь, это логично. Ведь если есть вопросы, то должен быть и тот, кому их можно задать. Даже если все они – риторические. Например, почему забота о будущем лишает тебя настоящего. Почему ты до дрожи любишь людей, которые причиняют тебе столько боли, сколько не удалось причинить всем твоим врагам вместе взятым. И главное: почему жизнь – это растянутый во времени суицид, а каждый прожитый день – очередное тому доказательство.

Вместе с верой приходит безотчетная вязкая тревога: нужен ли ты Ему, есть ли у него на тебя планы, не оставил ли он тебя на призволяще. Оставил ли тебя Бог – тот еще вопрос. Судя по тому, что ты все еще жив, – нет. Судя по тому, как живешь, – да, давно. Судя по тому, что ты до сих пор в относительно здравом уме и рассудке, – снова нет, однако, с учетом содержимого твоего персонального шкафа, который ломится от скелетов, с большинства которых еще даже не

успела сойти плоть, то…

Эта игра в аргументы и контраргументы длится до бесконечности и, скорее всего, лишена всякого смысла, но, однажды приняв ее правила, ты уже не можешь остановиться. И, знаете, наверное, это нормально: здравая доля сомнения должна присутствовать в любом человеке. Как и здравая доля надежды.

– …*С днем рождения!*

На комнату с новой силой обрушивается скерцо гастрономической симфонии, без остатка растворяя в себе смысл только что произнесенных слов. Торжество традиционно набирает обороты.

Ты сидишь в торце огромного дубового стола овальной формы.

В просторной, светлой, красиво обставленной комнате.

Тебе – тридцать пять. Ну, плюс-минус… Самое время начать ощущать себя взрослым.

Правда, ты так до сих пор и не понял, что конкретно для этого нужно сделать.

Реверс

– …в общем, я туда-сюда, смотрю, а времени уже ебать-ебать, короче я ее хватаю и в халдея, а ехать-то куда – четыре утра, короче, забираю тачку, заезжаю в частный сектор и там, прямо в тачке, рою, а оно, сам знаешь, как оно – кидали водяного всю ночь, стояк безумный, а толку – такое ощущение, что чопик забили, короче, проелозил, смотрю – почти семь утра, ебать-ебать, через час на работу, короче, я эту собаку кидаю в первого попавшегося проходимца, вручаю ему пандыш, а сам домой – костюм, гастук, рубашка, вся хуйня. Побриться, правда, не успел. Приезжаю за три минуты до совещания – глаза шо у быка, полный рот жвачки, падаю в кресло, и тут начинается така-а-а-я ебля…

Тоха берет паузу и по очереди окидывает каждого из нас искрящимся интригующим взглядом. Он медленно, очень медленно поднимает пивной бокал, делает несколько глубоких глотков и артистично откидывается на спинку плетеного ресторанного кресла. Кадык несколько раз взлетает-опускается, поршнем проталкивая внутрь золотистую жидкость, лицо искажется гримасой мучительного экстаза, а искры в глазах заволакивает мутная слезливая пелена. Некоторое время Тоха молчит, уставившись невидящим взглядом в столешницу. Заметно, что он изо всех сил пытается удержать рвущуюся наружу тошноту, в конце концов ему это удается,

он делает еще один глубокий глоток и накалывает на вилку прозрачный, почти невесомый кусок красной рыбы. Еще несколько секунд Тоха сидит неподвижно, будто решая, есть или нет. Затем он аккуратно кладет вилку с наколотой на нее рыбой в свою пустую тарелку, берет белую тканевую салфетку и тщательно вытирает губы. Он снова окидывает взглядом каждого из нас, и его глаза начинают искрить. Перерождение произошло. Наш Феникс в строю.

– …короче, всех подняли, кроме меня, прикиньте. Четко всех. Порвали на куски. Я уже сижу – пиз-з-да, думаю… Но пронесло. Господь управил, не иначе.

– Аминь, – я закрываю тему и поднимаю бокал, – ну, со вторым рождением тебя.

Полдень, и мы сидим в ресторане в центре города – Тоха позвонил и настоятельно рекомендовал «подтянуться», чтобы «поправить» его здоровье, подорванное накануне зажигательным алкогольным рейдом, ну и заодно поделиться его подробностями. За столом нас четверо: я, Тоха и два его друга, чьи имена я не могу запомнить, несмотря на то, что видимся мы довольно часто. По утверждению самого Тохи, они с ним «работают», а попросту говоря, принимают самое непосредственное участие в хитроумных коррупционных схемах, порожденных гуттаперчевым разумом моего приятеля. Один из них – похожий на импозантного гепарда зверек, то ли даг, то ли осетин, – разница, как по мне, невелика. Второй – полная противоположность первому: беле-

сый, рыхлый, как манка, увалень с лицом пьющей женщины неопределенного возраста. Вместе с тем они очень похожи: говорят мало и, преимущественно, междометиями – то ли чтоб не сболтнуть лишнего, то ли чтоб не выказать дремучую и беспросветную, как полярная ночь, тупость. Оба вроде бы из отставных гангстеров-недобитков. Я называю их «Милли Ванилли» – был когда-то такой же бездарный дуэт – плохо закончили, между прочим.

Тоха старше меня на полгода, но выглядит моложе. Когда-то он основательно сидел на стакане, но затем остепенился: женился, вполовину похудел, занялся спортом и удачно интегрировался во властную веркаль. Теперь он носит деловые костюмы, дорогие туфли, рубашки кричащих расцветок, пестрые галстуки и, что самое странное, сочетается со всем этим буйством роскоши вполне органично, не производя при этом впечатление внезапно пришедшего к успеху цыгана. Скорее, он напоминает любого из героев сериала Sopranos с той лишь разницей, что Тоха никого не убивал, хотя, признаюсь, порой моя уверенность в этом куда-то исчезает – особенно, когда речь идет о деньгах, единственно значимой для него вещи. Тоха – атеист, жесточайший циник и на две трети еврей, что всегда вызывало у меня ощущение не до конца осознанного превосходства над ним, ибо, как известно, латентный шовинизм хуже триппера. Он едко, по-еврейски остроумен, и это позволяет ему казаться куда умнее и эрудированнее, чем он есть на самом деле.

Так уж сложилось, что людей, благодаря которым он зарабатывает деньги, я искренне презираю. Он знает об этом, и поэтому, избегая нечаянного скандала, мы стараемся не упоминать в разговорах ряд хорошо известных в городе имен. Кроме того, мы стараемся вообще не говорить о работе, политике и, так сказать, персональной гражданской позиции. Нужно сказать, что сохранить нейтралитет и выполнить все предписания негласно заключенного между нами пакта о ненападении бывает довольно сложно. Вот и сейчас заметно оживший Тоха, утомившись, видимо, обсасывать «вчерашнюю» тему, «огородами» вторгается на запретную территорию:

– Вот так вот ебашишь-ебашишь, а благодарности ноль. Еще и хуйню пишут всякие.

Понимая, куда Тоха клонит, я пропускаю мимо ушей «всяких» и пытаюсь перевести разговор в шутку.

– Да не похож ты на человека, который ебашит за благодарность. За благодарность такие шузы сложно купить.

Тоха некоторое время сосредоточенно изучает глянец на своих идеальных туфлях. «Милли Ванилли» все так же безучастно и бесшумно работают челюстями. Тоха резко вскидывает голову и бросает на меня язвительный смеющийся взгляд.

– Ну а ты – все пишешь?

– Пишу.

– В интернете?

– Преимущественно.

– И откуда только у тебя время.

– У меня всегда есть время на то, что я люблю.

Тоха хмыкает и трусит тазом, имитируя возвратно-поступательные движения.

– У меня, по ходу, тоже… Так ты у нас, значится, блогер.

– Не люблю это слово.

– Ну а как тогда?..

Что ж, видит Бог, не я это начал. Включаю «надменный» режим, зная, как его это бесит.

– Ты все еще можешь обращаться ко мне по имени.

Сарказм мгновенно достигает цели.

– Ну спаси-и-и-бо, – привстав со стула, Тоха имитирует глубокий шутовской поклон и оглядывает непрерывно читающих немые монологи «Милли Ванилли», – нам разрешили.

– На здоровье. Нам действительно нужно об этом говорить?

– Ну а почему нет?

– Ок, слушаю.

Тоха закидывает ногу за ногу и прикуривает сигарету.

– Я, если честно, тебя не понимаю. Ладно еще все эти интернетовские пиз-до-бо-лы, – Тохе нарочито смакует это слово, – чушь написали, на пандыша заработали, впаяли, и в красоте. Звезды, блядь, можно идти дальше собакам хвосты крутить. Но тебе это зачем? Куда лезешь? У меня уже сам знаешь, кто интересовался, мол, у Сереги там все порядке с

головой – на ровном месте поливает всех…

– На ровном месте проще всего упасть, друг мой, – перестаешь следить за обстановкой и, как следствие, теряешь контроль.

– А давай без вот этой всей… философии – базарь серьезно, пожалуйста. Я тебе конкретно вопрос задал.

– Ну, если конкретно, то мне похер, например.

– Что похер?

– Не что, а сам знаешь кто. В моем представлении он вообще не человек. И свора его махровая тоже.

– А кто?

– Да никто. Саранча. Вредители полей.

– Вот это ты взлетел! Обо мне, наверное, так же думаешь?

– Мне сложно ответить на этот вопрос.

– Нормально, пацаны? – Тоха оглядывает своих жующих спутников, – Ну-ну, подъебал.

– Ну а что ты хотел услышать, братан? В современных реалиях люди делятся на два основных типа: тех, кто жрет говно, и тех, кто уже наелся. Так вот я – наелся.

– А я, выходит, нет?

– Это и не важно. Главное, что я уважаю твое право его жрать, – а я действительно уважаю, но с не меньшим пиететом я отношусь к своему – личному – праву однажды подойти к тебе и сказать: «Эй, чувак, да ты весь в говне». А каким способом я это сделаю, вопрос десятый. Все просто.

– Да, но, в отличие от некоторых, я сам всего добился!

– А я сам все похерил, бро, и что?

С минуту Тоха переваривает сказанное. Подходит официант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.